

16+

Владимир Бровко
ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ
МИХАИЛА ЛОМОНОСОВА

Владимир Бровко

**Подлинная история жизни и
смерти Михаила Ломоносова**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бровко В. П.

Подлинная история жизни и смерти Михаила Ломоносова /
В. П. Бровко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Данная книга представляет собой новую версию биографии российского
ученного-химика и литератора Михаила Ломоносова.

© Бровко В. П., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вступление	5
Часть 1	7
Часть 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вступление

В этой книге мы с вами уважаемый читатель откроем одну из спорных страниц российской истории, той самой «истории» что была заново «написана» на основе так называемой «нормандской теории» происхождения древнерусского государства – под условным названием «Киевская Русь». И эта работа по созданию «основ»-«правильной российской истории» была проделана рядом иностранных историков, приглашенных еще царем Петром Первыми его наследниками в созданную Российскую Академию наук.

Понадобилась же эта «нормандская теория» царям из династии Романовых в первую очередь для обоснования их родословной от предводителя скандинавских варягов Рюрика, но затем после окончательного переформатирования истории Московского царства эта «нормандская теория» была официально положена уже в основу и всей «древней части»- «новой» Российской истории!

При этом все другие научные теории образования первого славянского государства «Киевская Русь» и постепенного перехода великокняжеской власти из Киева в Москву объявлялись не научными и враждебными «русской нации», поскольку они отрицали роль «великороссов» как государствообразующего элемента!

Но, как довольно верно учит русская пословица «в семье не без урода», то и вскоре во вновь созданной Российской Академии наук появился один, исторически известный персонаж «попавший» в мировую историю, под именем «Михаила Васильевича Ломоносова». Который не будучи историком по образованию! (а в лучшем случае химиком), тем не менее сильно, на уровне «дилетанта-историка» увлекшись изучением «древней истории славянских народов», затем открыто выступил против «нормандской теории» и в связи с чем как говорится «наломал в российской науке «немало дров».

Причем так уже исторически сложилось, что отголоски этой «старой битвы» еще время от времени проявляют себя уже в стенах современной нам Российской Академии наук, когда там время от времени «поднимают головы настоящие российские патриоты» из числа «последователей великого русского ученого М. В. Ломоносова и грозно вопиют на разные голоса:

Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Что же касается личности самого М. Ломоносова, то он как ученые признавался и в Российской империи, но не более того, но вот власть в России в 1917 году вследствие вооруженного переворота сменилась и тут наконец СЛАВА нашла М. Ломоносова!

Ведь по сути с 30-х годов прошлого века г. с подачи российских –большевиков коммунистов, образ М. Ломоносова, как простого «крестьянского сына» был преднамеренно и не по заслугам «возвеличен» в своих «научных достижениях до той степени почитания, что в СССР был создан «культ личности Ломоносова» причем в степени «священной коровы» советской науки и даже литературы! Ибо и тут наш герой успел порядком как говорится «наследить».

Хотя если уж и говорить о «происхождении» М. Ломоносова то, как давно уже доказали ряд независимых историков, что наш «Михаил Ломоносов», при своем рождении не только не носил фамилию «Ломоносов» (по отцу, толи Дорофеевым, толи Федоровым), да и вообще «он не был сыном своего отца»!

Ибо, как выяснилось в дальнейшем, являлся незаконно рождённым сыном вышеупомянутого русского императора Петра Первого.

И в этой работе, автор попытается выяснить истину обобщив все ему известные на сегодня факты запутанной биографии Ломоносова, а также изучив его научную и обществен-

ную деятельность, чтобы наконец понять, когда, и где он родился, где воспитывался и кем, где и чему учился!

А заодно и выяснить какой РЕАЛЬНЫЙ научный вклад в российскую науку! им был внесен в действительности, что ему было потом «задним числом» приписано официальными российскими историками.

Так же автор попытается разобраться в хитросплетения семейного быта М. Ломоносова и взаимоотношениях с представителями правящей в России царской династии Романовых, в результате чего, у нас, **как видится автору вырисовывается невероятная картина «приключений» беглого государственного крестьянина Михаила Ломоносова, который вместо сибирской каторги (за побег с места жительства, самовольного присвоения поповского, а затем и «дворянского звания» для своего поступления в так называемые Законоспаскую высшую школу (Академию) в Москве, а когда это преступный факт был достоверно установлен то его вместо сибирской каторги, почему то отправляют на учебу в Германию.**

Но и в Германии он нигде постоянно не учился, предпочитая просто, в перерывах между пьяными загулами и картежной игрой, посещать лекции в качестве «вольного слушателя»! в нескольких немецких университетах, а также проходить своего рода «производственную практику» у немецких профессоров.

Но и эти периоды «учебы» прерывались Ломоносова длительными периодами загулов, когда из России поступали деньги как «стипендия» и плата за обучение.

В итоге он рассорился со всеми своими преподавателями и забросил учебу, но успел при этом без разрешения руководства Российской академии или даже русского посла в Германии тайно жениться на немке (протестантке) и прижить с ней дочь!

После чего очевидно опасаясь своей «принудительной депортации Россию» и скорого строгого суда! М. Ломоносов пытаясь «оторваться» от преследовавших его российских сыщиков, будучи загнанным ими как говорится «в угол», срочно «завербовался в прусскую армию» и там послужил более года.

Далее М. Ломоносов совершает невероятный побег со своего воинского подразделения (вернее с крепости где был расквартирован его полк) и я вернулся в Санкт-Петербург, где в Российской академии наук, все руководители тоже как по команде «закрывают глаза» на его «подвиги» в Германии, и он вскоре, «неведомыми путями» становится, во-первых, русским дворянином!!, а во-вторых затем профессором химии!!! И далее более того сумел дослужиться и до высоких чинов в «Табеле о рангах» и так же получил несколько деревень с крепостными крестьянами.

Но, уже в первой части, которая является по авторскому замыслу так сказать «преамбулой» я попытаюсь вначале показать, что же писали в России и в мире о Михаиле Ломоносове до 1917 года и что после. Это нужно чтобы читатель, во-первых, поновил свои школьные познания и во-вторых был подготовлен к понимаю всех перипетий жизни Ломоносова, отличай при этом уже самостоятельно, где о нем историки писали правду, а где явную псевдопатриотическую ложь!

Часть 1

Положение Михаила Ломоносова в российской истории

А начнем мы наше повествование, с полного цитирования важнейшего российского энциклопедического источника «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.» и вот что там сказано о Ломоносове в изложении незаслуженно забытого ныне киевского профессора П. Владимирова.

(Справка: П. В. Владимиров -профессор университета св. Владимира по кафедре русского языка и словесности; род. в Казани в 1854 г.; оставленный по окончании образования в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию, В. занялся изучением древнерусских рукописей и старопечатных книг в московских и петербургских книгохранилищах.

В 1885 г. защитил в Казани магистерскую диссертацию "Великое Зерцало", а в 1888 г. за соч. "Доктор Франц. Скорина, его переводы, печатные издания и язык" получил в Петербурге степень доктора русской словесности. Кроме вышеупомянутых сочинений, можно отметить еще "Очерки из истории общественного движения на Севере России во второй половине XVII в." ("Ж. М. Н. П.", 1879), "Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст." ("Чтение в Общ. Нестора летописца", кн. IV) и несколько статей о Гоголе ("Киев. унив. изв.", 1891).

«Ломоносов (Михаил Васильевич, 1711-1765) – знаменитый поэт и ученый. Он был первым русским, который с полным правом мог стоять наряду с современными ему европейскими учеными по многочисленности, разнообразию и самобытности научных трудов по физике, химии, металлургии, механике и др. Первоклассные ученые XVIII в., как Эйлер, Вольф и др., отдавали справедливость таланту и трудам Л.

Современные нам русские ученые находят у Л. блестящие мысли по естествознанию, опередившие свой век. Но Л. по условиям времени не мог вполне отдаться науке и был преимущественно замечательным популяризатором естествознания.

Главная заслуга Л. состоит в обработке русского литературного языка; в этом смысле он был "отцом новой русской литературы".

Кроме прозаического языка для научных сочинений, для торжественных речей, Л. создал и поэтический язык, преимущественно в своих одах.

Он дал также теорию языка и словесности в первой русской грамматике и риторике.

Почти целое столетие господствовала эта теория в русской литературе, и во имя ее в начале настоящего столетия открылась борьба последователей Шишкова против Карамзина и его школы; более значительное изменение в русской литературной речи произошло только с Пушкина, отрицавшего "однообразные и стеснительные формы полуславянской, полулатинской" конструкции прозы Л. ("Мысли на дороге", 1834).

Опыты Л. в эпосе, трагедии и истории были менее удачны, и он уже в свое время должен был уступить в них первенство другим писателям.

Литературная слава Л. создалась его "одами", в которых он является последователем европейского ложноклассицизма.

Как национальный поэт, Л. в одах проявил сильный и выразительный язык, часто истинное поэтическое одушевление, возбуждавшееся в нем картинами великих явлений природы, наукой, славными событиями современной истории, **особенно деятельностью Петра Великого, наконец – мечтаниями о славной будущности отечества.**

Как безусловный патриот, "для пользы отечества" Л. не щадил ни времени, ни сил.

В массе проектов и писем он, как публицист и общественный деятель, излагал свои мысли о развитии русского просвещения и как истый сын народа – о поднятии народного благосостояния. Современники называли его "звездой первой величины", "великим человеком", "славным гражданином" (Дмитревский, Штелин).

Пушкин, осуждавший прозу Л., сказал о его значении: "Л. был великий человек.

Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый русский университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом".

По официальным данным М. Ломоносов родился в Архангельской губ., в Куроостровской волости, в деревне Денисовке, Болото тож, близ Холмогор, в 1711 г. (как значится на могильном памятнике Л. в Александро-Невской лавре; иные свидетельства указывают на 1709, 1710 и даже 1715 гг.; см. Пекарский, "История Академии Наук" II, 267), от зажиточного крестьянина Василия Дорофеева Ломоносова и дочери дьякона из Матигор Елены Ивановой.

У отца Л. была земельная собственность и морские суда, на которых он занимался рыбной ловлей и совершал далекие морские разъезды с казенной и частной кладью.

В этих разъездах участвовал и юный Михаил, с таким одушевлением вспоминавший впоследствии в своих ученых и поэтических сочинениях Северный океан, Белое море, природу их берегов, жизнь моря и северное сияние.

В литературной деятельности Л. отчасти отразилось также влияние народной поэзии, столь живучей на севере России. И в грамматике, и в риторике, и в поэтическ. произведениях Л. мы находим отражение этого влияния. Еще Сумароков упрекал Л. "холмогорским" наречием.

На родине же Л. слышался о Петре Великом и напился церковнославянской книжной стариной, которою жили поморские старообрядцы. Отчасти под этим последним влиянием, отчасти под влиянием матери Л. выучился грамоте и получил любовь к чтению.

Но мать Л. рано умерла, а мачеха не любила его книжных занятий: по собственным его словам (в письме к И. И. Шувалову, 1753), он "принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод".

Грамотные куроостровские крестьяне Шубные, Дудины и Пятухин, служивший приказчиком в Москве, снабжали Л. книгами, из которых он особенно полюбил славянскую грамматику Мелетия Смотрицкого, Псалтирь в силлабических стихах Симеона Полоцкого и Арифметику Магницкого.

Эти же крестьяне помогли Л. отправиться в Москву для обучения наукам в 1730 г.

Сохранились записи в волостной книге куроостровской волости взносов подушной подати за М. Л. с 1730 по 1747 г., причем с 1732 г. он показывался в бегах.

После различных мытарств Л. попал в Московскую "славяно-латинскую" академию или "школу", в которой преподавали питомцы киевской академии.

Здесь Л. изучил латинский язык, пиитику, риторiku и отчасти философию. О своей жизни этого первого школьного периода Л. так писал Я. И. Шувалову в 1753 г.: "имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как за денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды.

Таким образом жил я пять лет (1731-1736), и наук не оставил".

Не без основания предполагают, что в этот период Л. побывал в Киеве, в академии. Описание днепровских берегов в "Идиллии Полидор" (1750) свидетельствует о живых впечатлениях Л. от "тихого Днепра", который "в себе изображает ивы, что густо по крутым краям его растут"; поэт упоминает волов, соловья, свирелки пастухов, днепровские пороги и проч.

В архиве Киевской духовной акд. нет никаких следов о пребывании в академии Л., но рассказ первого жизнеописателя Л., Штелина (Пекарский, "История Акд. Наук", II, стр. 284), вполне вероятен.

Уже в московской акд. Л. написал стихи, которые впервые напечатал акад. Лепехин в описании своего "Путешествия": "Услышали мухи медовые духи, прилетевши сели, в радости запели. Егда стали ясти, попали в напасти, увязли по ноги. Ах, плачут убоги: меду полизали, а сами пропали".

Несомненно, что изучение пиитики и риторики в московской акд. имело значение в развитии Л. как поэта и оратора, хотя главным образом ему способствовало дальнейшее образование за границей.

Счастливая случайность – вызов в 1735 г. из московской академии в академию наук 12 способных учеников – решила судьбу Л.

Трое из этих учеников, в том числе Л., были отправлены в сентябре 1736 г. в Германию, в марбургский унив., к "славному" в то время проф. Вольфу (см.), известному немецкому философу. Л. занимался под руководством Вольфа математикой, физикой и философией и затем еще в Фрейберге, у проф. Генкеля, химией и металлургией, всего пять лет.

Вместе с похвальными отзывами о занятиях Л. за границей руководители его не раз писали о беспорядочной жизни, которая кончилась для Л. в 1740 г. браком в Марбурге с Елизаветой-Христиной Цильх, дочерью умершего члена городской думы.

Беспорядочная жизнь, кутежи, долги, переезды из города в город были не только последствием увлекающейся природы Л., но и отвечали общему характеру тогдашней студенческой жизни.

В немецком студенчестве Л. нашел и то увлечение поэзией, которое выразилось в двух одах, присланных им из-за границы в акд. наук: в 1738 г. – "Ода Фенелона" и в 1739 г. – "Ода на взятие Хотина" (к последней Л. приложил "Письмо о правилах российского стихотворства"). Эти две оды, несмотря на их громадное значение в истории русской поэзии, не были в свое время напечатаны и послужили только для акд. наук доказательством литературных способностей Л.

Между тем, с "оды на взятие Хотина" и "Письма о правилах российского стихосложения" начинается история нашей новой поэзии.

С большим поэтическим талантом, чем Тредьяковский, раньше выступавший с теорией тонического стихосложения, Л., указывая на "неосновательность" принесенного к нам из Польши силлабического стихосложения, предлагает свою версификацию, основанную на свойствах русского яз., на силе ударений, а не на долготе слогов. Замечательно, что уже в этом первом опыте Л. является не поклонником рифмачества, а указывает на значение и выбор поэтических слов, на сокровищницу русского яз. —

После разных злоключений (вербовки в немецкие солдаты, побега из крепости Везель) Л. возвратился в Петербург в июне 1741 г.

В августе того же года в "Примечаниях к Петербургским Ведомостям" (ч. 66-69) помещены были его "Ода на торжественный праздник рождения Императора Иоанна III" и "Первые трофеи Его Величества Иоанна III чрез преславную над шведами победу" (обе оды составляют библиографическую редкость, так как подверглись общей участи – истреблению всего, что относилось ко времени имп. Иоанна Антоновича).

Несмотря на оды, переводы сочинений иностранцев-академиков и занятия по кабинетам, студент Л. не получал ни места, ни жалованья. Только с восшествием на престол Елизаветы Петровны, в январе 1742 г., Л. был определен в акд. адъюнктом физики.

В 1743 г. Л. обращается к переложению в стихи псалмов и сочиняет две лучшие свои оды: "Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния" и "Утреннее размышление о Божием величестве".

В этом же году Л. вследствие "продерзостей", непослушания конференции акд. и частых ссор с немцами в пьяном виде более семи месяцев "содержался под караулом" и целый год оставался без жалованья; на просьбы о вознаграждении для пропитания и на лекарства он получил только разрешение взять академических изданий на 80 р.

В прошении об определении его проф. химии (1745) Л. ничего не говорит о своих одах, упоминая только о своих "переводах физических, механических и пиитических с латинского, немецкого и французского языков на российский, о сочинении горной книги и риторики, об обучении студентов, об изобретении новых химических опытов и о значительном присовокуплении своих знаний".

Назначение в академию – профессором химии – совпало с приездом жены Л. из-за границы. С этого времени начинается более обеспеченная и спокойная жизнь Л. среди научных трудов, литературных занятий и лучших общественных отношений.

В 1745 г. он хлопочет о разрешении читать публичные лекции на русском языке, в 1746 г. – о наборе студентов из семинарий, об умножении переводных книг, о практическом приложении естественных наук и проч.

В предисловии к сделанному им тогда же переводу Вольфовой физики Л. определительно и понятно рассказал об успехах наук в XVII-XVIII вв.

Это была совершенная новинка на русском языке, для которой Л. должен был изобретать научную терминологию.

Такое же популяризированное изложение науки проявилось в академических речах Л. о пользе химии и пр.

С 1747 г., кроме торжественных од, Л. должен был составлять стихотворные надписи на иллюминации и фейерверки, на спуск кораблей, маскарады, даже писать по заказу трагедии ("Тамира и Селим", 1750; "Демофонт", 1752).

В 1747 г. по поводу утверждения имп. Елизаветой нового устава для академии и новых штатов Л. написал знаменитую оду, начинающуюся известными стихами: "

Царей и царств земных отрада, возлюбленная тишина, блаженство сел, градов ограда, коль ты полезна и красна!".

Здесь поэт воспел и свой идеал, свой кумир – Петра Великого ("Послав в Россию человека, какой не слыхан был от века"), а вместе с ним и науки – "божественные чистейшего ума плоды" ("науки юношей питают, отраду старым подают").

В одной из заключительных строф этой оды Л. восклицает:

**"О вы, которых ожидает отечество от недр своих,
и видеть таковых желает,
каких зовет от стран чужих,
о ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
раченьем вашим показать,
что может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать".**

Есть в этой оде кое-что заимствованное из древних классических писателей, из которых Л. в том же году сделал стихотворные переводы.

Между тем Л. продолжал свои научные занятия физикой, химией и издавал латинские диссертации, находившие полное одобрение со стороны таких заграничных ученых, как берлинский академик Эйлер.

Благодаря вниманию Эйлера Л. добился, наконец, устройства химической лаборатории (1748).

В 1748 г. при академии возникли исторический департамент и историческое собрание, в заседаниях которых Л. повел борьбу против Миллера, обвиняя его в умышленном поношении славян, Нестора летописца и других российских авторитетов и в предпочтении, отдаваемом иностранцам.

В том же году он издал первую на русском языке риторiku, воспользовавшись не только старыми латинскими риториками Кауссина и Помея, но и современными ему работами Готшеда и Вольфа. Между литературными и научными трудами Л. существовала самая тесная связь; лучшая его ода, "Вечернее размышление", полная поэтического одушевления и неподдельного чувства, по словам самого Л. содержит его "давнейшее мнение, что северное сияние движением Ефира произведено быть может".

И стихом, и русским языком Л. владел лучше, чем два других выдающихся литератора его времени – Тредьяковский и Сумароков.

Последние вели с Л. постоянную борьбу, вызывая на споры о языке, о стиле и литературе. Иногда эти споры, по условиям времени, принимали и грубую форму; но Л. всегда выходил из них победителем.

В торжественном собрании академии наук в 1749 г. Л. произнес: "Слово похвальное имп. Елизавете Петровне", в котором, как и в одах, прославлял Петра Великого и науки в их практическом приложении к пользе и славе России.

Похвалы императрице обратили внимание на Л. при дворе, а в академии создали ему немало завистников, во главе которых стоял сильный Шумахер.

Около 1750 г. Л. нашел "патрона" в лице любимца имп. Елизаветы, И. И. Шувалова, к которому поэт написал несколько задушевных писем в стихах и в прозе, имеющих ценное автобиографическое значение.

В одном из них Л. говорит о себе: **"вспомняни, что мой покоя дух не знает, вспомняни мое раченье и труды.**

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь; отрада вся, когда о лете я пишу; о лете я пишу, а им не наслаждаюсь и радости в одном мечтании ишу".

В это время Л. был особенно занят мозаикой, стеклянными и бисерными заводами.

В 1751 г. Л. напечатал первое издание своих сочинений: "Собрание разных сочинений в стихах и прозе" (1400 экз.).

По приказанию президента акад., гр. Разумовского, Л. сочинил "российскую речь ученой материи", выбрав предметом "Слово о пользе химии" (1754 г., 6 сентября).

Слово начинается доказательствами превосходства "учения" европейских жителей перед дикостью "скитающихся американцев"; далее говорится о важном значении математики для химии, об ожидаемых результатах дальнейшего движения науки.

Это "Слово", как и последовавшие затем слова – "О явлениях воздушных от электрической силы происходящих" (1753), "О происхождении света, новую теорию о цветах представляющее" (1756), "О рождении металлов от трясения земли" (1757), "О большей точности морского пути" (1759), "Явление венеры, на солнце наблюденное" (1761) – ясно указывают на самостоятельные опытные труды Л. в широкой области "испытания натуры".

Замечательна манера научного изложения у Л.: обращение от отвлеченных научных понятий к обыденной жизни, в частности – к жизни русской.

Ежегодно Л. печатал латинские диссертации в академич. изданиях.

В 1753 г. Л. получил привилегию на основание фабрики мозаики и бисера и 211 душ с землей в Копорском у.

В это именно время он написал свое известное дидактическое стихотворение: "Письмо о пользе стекла" ("Неправо о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтут ниже минералов").

Через Шувалова Л. имел возможность провести важные планы, например, основание в 1755 г. московского университета, для которого Л. написал первоначальный проект, основываясь на "учреждениях, узаконениях, обрядах и обыкновениях" иностранных университетов".

В 1753 г. Л. долго занимал вопрос об электричестве, связанный с несчастной смертью проф. Рихмана, которого "убило громом" во время опытов с машиной.

Л. писал Шувалову о пенсии семье Рихмана и о том, **"чтобы сей случай не был про- толкован противу приращения наук"**.

"Российская Грамматика Михаила Ломоносова" вышла в 1755 г. и выдержала 14 изданий (перепечат. в "Ученых Записках 2 отд. акад. наук", кн. III, 1856, с предисл. академика Давыдова).

Несмотря на то, что "Грамматика" Л. основана на "Грамматике" Смотрицкого, в ней много оригинального для того времени: Л. различал уже буквы от звуков и, как естествоиспытатель, определял происхождение звуков анатомо-физиологическое и акустическое; говорил о трех наречиях русского яз. (московском, северном и украинском), изображал фонетический выговор звуков в словах.

В примерах Л. нередко приводит личную свою жизнь: "стихотворство моя утеха, физика мои упражнения".

В 1756 г. Л. отстаивал против Миллера права низшего русского сословия на образование в гимназии и университете.

Прямота и смелость Л. тем более поразительны, что он не раз подвергался тяжелым обвинениям и попадал в щекотливое положение (см. Пекарский, стр. 488: "Дело тобольского купца Зубарева о руде" и стр. 603: "О богопротивном пашквиле Л. – Гимн бороде"). "Гимн бороде" (1757) вызвал грубые нападки на Л. со стороны Тредьяковского и др. В 1757 г. И. И. Шувалов содействовал изданию сочинений Л., с портретом автора, в Москве, во вновь учрежденной университетской типографии.

В этом собрании появилось впервые рассуждение Л. "О пользе книг церковных в российском языке".

Это "Рассуждение" объясняло теоретически то, что было совершено всей литературной деятельностью Л., начиная с его первых опытов 1739 г., т. е. создание русского литературного языка.

В церковной литературе Л. видел множество мест "невразумительных" вследствие включения в перевод "свойств греческих, славенскому языку странных". В современной ему русской литературе Л. находил "дитя и странные слова", входящие к нам из чужих языков.

Свою теорию "чистого русского слова" Л. построил на соединении яз. церковнославянского с простонародным российским, разумея под последним преимущественно московское наречие.

Вообще в "рассуждении" Л. признавал близость русского яз. к церковнославянскому и близость русских наречий и говоров друг к другу – большую, чем, напр., между немецкими наречиями и др.

Учение о штилях Л. основывал на различии следующих "речений" – слов русского яз.:

- 1) общеупотребительных в церковнославянском и русском,
- 2) книжных по преимуществу, исключая весьма обветшалых и неупотребительных,
- и 3) простонародных, исключая "презренных, подлых слов".

Отсюда Л. выводил три "штиля": высокий, из слов славенороссийских, для составления героических поэм, од, прозаичных речей о важных материях; средний – "не надутый и не подлый", из слов славенороссийских и русских, для составления стихотворных дружеских писем, сатир, эклог, элегий и прозы описательной; низкий – из соединения среднего стиля с простонародными "низкими словами", для составления комедий, эпиграмм, песен, прозаических дружеских писем и "писания обыкновенных дел".

Эта стилистическая теория Л. вместе с синтаксическим построением Ломоносовской литературной речи в периодах и создала русский литературный яз. XVIII в. – язык поэзии, ораторского искусства и прозы.

Насколько современники и такие покровители Л., как Шувалов, почитали поэта и ученого, видно из следующих стихов Шувалова, помещенных под портретом Л. в издании 1707 г.: "Московской здесь Парнас изобразил витию, что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию, что в Риме Цицерон и что Virgilius был, то он один в своем понятии вместил, открыл натуры храм богатым словом Россов, пример их остроты в науках – Ломоносов".

Даже враг Л., Сумароков, позднее говорил про него: "он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен".

Около этого времени Л. переехал с казенной академической квартиры в собственный дом, существовавший на Мойке до 1830 г.

В 1759 г. Л. занимался устройством гимназии и составлением устава для нее и университета при академии, причем всеми силами отстаивал права низших сословий на образование и возражал на раздававшиеся голоса: "куда с учеными людьми?"

Ученые люди, по словам Л., нужны "для Сибири, горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, правосудия, исправления нравов, купечества, единства чистых веры, земледельства и предзнания погод, военного дела, хода севером и сообщения с ориентом".

В то же время Л. занимался по географическому департаменту собиранием сведений о России. В 1760 г. вышел из печати его "Краткий российский летописец с родословием".

В 1763 г. он начал печатать "Древнюю Российскую историю от начала российского народа до кончины вел. кн. Ярослава I, или до 1054 г." (она вышла уже по смерти Л., в 1766 г.).

Несмотря на тенденциозность русской истории Л., на риторическое направление ее, в ней замечательно, по словам С. М. Соловьева ("Писатели русской истории XVIII века"), пользование иностранными источниками о славянах и древней Руси, а также сближение древних языческих верований с простонародными обрядами, играми и песнями.

В 1760-1761 гг. Л. напечатал неоконченную героическую поэму "Петр Великий".

Несмотря на слабость этой поэмы, она замечательна по изображению севера России – родины Л. Сумароков не преминул посмеяться в стихах над поэмой Л.

Напрасно Шувалов, отчасти в виде шутки, старался свести и помирить двух знаменитых писателей.

Л. отвечал Шувалову длинным письмом, в котором с обычным сознанием своего высокого значения и достоинства писал: "не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет". В целом ряде бумаг, которые писал Л., напр., по поводу "приведения академии наук в доброе состояние", он проводил мысль о "недоброхотстве ученых иноземцев к русскому юношеству", к его обучению.

Обращаясь постоянно с просьбами по общим и своим личным делам, Л. иногда тяготился таким положением, завидуя в стихах (1761 г., "Стихи, сочиненные по дороге в Петергоф") кузнечнику, который "не просит ни о чем, не должен никому" и жалуясь в письмах на необходимость "кланяться подьячим".

В знаменитом письме "О сохранении и размножении русского народа" (1761) Л. является замечательным публицистом; недаром он несколько раз хлопотал, но безуспешно, об издании

газеты или журнала. Он говорит в этом письме о необходимости хорошей врачебной помощи, об уничтожении суеверий народных, об излишнем усердии к постам, о праздничных излишествах, неравных браках.

Кроме того, Л. имел в виду коснуться вопросов "об истреблении праздности, о исправлении нравов и о большем народа просвещении, о исправлении земледелия, о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств, о лучших пользах купечества, о лучшей государственной экономии и о сохранении военного искусства во время долговременного мира". Замечательно, что письмо это могло появиться в печати в своем полном виде только в 1871 г., а до того времени допускалось к печатанию только с значительными урезками.

После восшествия на престол Екатерины II, в 1762 г., Л. написал "Оду", в которой сравнивал новую императрицу с Елизаветой и ожидал, что Екатерина II "златой наукам век восставит и от презрения избавит возлюбленный Российский род".

В одах 1763-65 гг. Л. приветствовал великие начинания Екатерины на пользу русского просвещения и воспитания.

Эти оды сливаются с одами Державина; у Л. мы уже находим такие слова, обращенные к императрице: "Народну грубость, умягчает, И всех к блаженству приближает Теченьем обновленных прав". В 1764 г. была снаряжена экспедиция в Сибирь под влиянием сочин. Л. "О северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном".

В это же время Л. издал "Первые основания металлургии" и начал готовить труд по минералогии.

В конце жизни Л. был избран в почетные члены стокгольмской и болонской академий.

В июне 1764 г. Екатерина II посетила дом Л. и в течение 2-х часов смотрела "работы мозаичного художества, новоизобретенные Л. физические инструменты и некоторые физические и химические опыты".

При отъезде императрицы Л. подал ей стихи.

До конца жизни Л. не переставал помогать родным своим, вызывал их в Петербург и переписывался с ними.

Сохранилось письмо Л. к сестре, написанное за месяц до его смерти, последовавшей 4 апреля 1765 г., на второй день Пасхи.

Похороны Л. в Александро-Невской лавре отличались пышностью и многолюдством. Бумаги Л. по приведении в порядок были сложены в одной из дворцовых комнат.

Памятник из каррарского мрамора, до сих пор стоящий на могиле Л., воздвигнут канцлером гр. Воронцовым.

После Л. осталась дочь Елена, род. в 1749 г., вышедшая замуж в 1766г. за Константинова, сына брянского протопопа. Ее потомство, равно как и потомство сестры Л. в Архангельской губ., существует донныне. В 1825 г. поставлен памятник Л. в Архангельске по проекту художника И. П. Мартоса. Бюсты Л. поставлены в Москве перед зданием университета и в СПб. перед зданием м-ва народн. просвещения.

Значение Л. в русской литературе XVIII века выразилось не в отдельных выдающихся сочинениях, не в их внутреннем содержании, а в общем характере и направлении деятельности.

Л. был реформатором русской литературной речи. Сравнение Л. с Петром Вел., проведенное впервые в 1816 г. Батюшковым и развитое Белинским, имеет полное основание, так как уже одно создание Петром Вел. гражданской азбуки, отделившей светскую литературу от церковной, напоминает создание Л. русской литературной речи, отделившейся от церковнославянской.

Собственно, литературные труды Л. имеют исключительно историческое значение; в них нет чего-либо выдающегося, цельного, исключая разве од, отражающих время имп. Елизаветы. Новатору в области русской литературной речи не пришлось быть новатором в литературе: он остается везде только последователем ложного классицизма.»

Итак, я надеюсь, что вы уважаемые читатели внимательно прочли этот текст.

И запомнили, что хоть Ломоносов и числился в Российской академии наук ученым физиком, а потом химиком, но «Главная заслуга Л. состоит в обработке русского литературного языка; в этом смысле он был "отцом новой русской литературы"».

Кроме прозаического языка для научных сочинений, для торжественных речей, Л. создал и поэтический язык, преимущественно в своих одах.

Он дал также теорию языка и словесности в первой русской грамматике и риторике.

Почти целое столетие господствовала эта теория в русской литературе, и во имя ее в начале настоящего столетия открылась борьба последователей Шишкова против Карамзина и его школы; более значительное изменение в русской литературной речи произошло только с Пушкина, отрицавшего «однообразные и стеснительные формы полуславянской, полулатинской» конструкции прозы Л.»

Вот такая официальная оценка Ломоносова до 1917 года!

А теперь давайте посмотрим на то как того же М. Ломоносова представляли уже советским гражданам в самой главной энциклопедии Советского союза.

И тут я немного забегаю вперед скажу, что мы увидим, как был создан МИФ которые и вдалбливался почти 70 лет, в умы «совков», а через них был подхвачен и совершенно не критично, перенесён уже в новые российские энциклопедии, изданные после августа 1991 года БСЭ. – 1969—1978

«Ломоносов Михаил Васильевич [8(19).11.1711 – 4(15).4.1765], первый русский учёный-естествоиспытатель мирового значения, человек энциклопедических знаний, разносторонних интересов и способностей, один из основоположников физической химии, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки.

Л. родился в деревне Денисовка (ныне село Ломоносово) Куростровской волости около села Холмогоры (Архангельской губернии) в семье крестьянина-помора Василия Дорофеевича Ломоносова, занимавшегося морским промыслом на собственных судах.

Стремясь получить образование, Л. в декабре 1730 покинул дом отца и отправился в Москву. Выдав себя за сына дворянина, в январе 1731 он поступил в московскую Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре.

В 1735 в числе наиболее отличившихся учеников Л. был послан в Петербург для зачисления в Академический университет, а в 1736 командирован в Германию для обучения химии и металлургии.

Он учился сначала в Марбургском университете под наблюдением и руководством известного физика и философа Х. Вольфа, а затем во Фрейберге у химика и металлурга И. Генкеля.

За границей Л. пробыл до 1741 и вскоре по возвращении (в январе 1742) был назначен адъюнктом АН по физическому классу, а в августе 1745 стал первым русским, избранным на должность профессора (академика) химии.

Деятельность Л. в АН была весьма разносторонней.

В 1746 он первым стал читать публичные лекции по физике на русском языке, тогда же опубликовал перевод краткого изложения "Экспериментальной физики" Х. Вольфа.

В 1748 по настоянию Л. для него была построена первая в России химическая научно-исследовательская лаборатория.

Научную деятельность Л. можно разделить на три периода: до создания лаборатории он в основном занимался химическими и физическими исследованиями, с 1748 проводил преимущественно химические работы, а с 1753 до конца жизни – в самых различных областях естественных и прикладных наук.

Наряду с научными исследованиями Л. занимался литературным творчеством и опубликовал несколько од и трагедий.

Движимый высоким патриотизмом, он предпринял детальное изучение ряда источников русской истории. Проявляя заботу о распространении просвещения в России, Л. настаивал на создании университета европейского типа, доступного всем слоям населения.

Его хлопоты увенчались успехом: в 1755 по его проекту был организован Московский университет, носящий ныне имя Л.

В течение многих лет Л. разрабатывал технологию получения цветного стекла на фабрике, построенной им в Усть-Рудицах (близ Петербурга).

Цветные стекла использовались для создания мозаик, в развитие искусства, которых Л. внёс существенный вклад. Он создал ряд мозаичных портретов (например, портрет Петра I) и монументальную (около 4,8 × 6,44 м) мозаику "Полтавская баталия" (1762—64, Ленинградский дом АН СССР). Мозаичные работы Л. были высоко оценены российской Академией художеств, избравшей его в 1763 своим членом.

На протяжении всей жизни Л. был инициатором самых разнообразных научных, технических и культурных мероприятий, направленных на развитие производительных сил России и имевших первостепенное государственное значение.

Однако в условиях феодально-крепостного строя многие его "государственные помыслы" не могли быть осуществлены.

В последние годы жизни Л. его научные работы были оценены за пределами России.

Он был избран почётным членом Шведской АН (1760), а затем почётным членом Болонской АН (1764).

Весной 1765 Л. простудился и 4(15) апреля скончался; он похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде.

Научные исследования Л. по химии и физике основывались на представлениях об атомно-молекулярном строении вещества и, таким образом, продолжали то направление, которое развивалось в 17 веке, прежде всего Р. Бойлем.

Л. задумал написать большую "корпускулярную философию" – трактат, объединяющий в одно стройное целое всю физику и химию на основе атомно-молекулярных представлений.

Ему не удалось осуществить свой грандиозный замысел, но большую часть его физических и химических трудов следует рассматривать как подготовительные материалы к этой работе.

Первым шагом в этом направлении было развитие учения о "нечувствительных" (то есть неощутимых) частичках материи – "корпускулах" (молекулах).

Л. полагал, что всем свойствам вещества можно дать исчерпывающее объяснение с помощью представления о различных чисто механических движениях корпускул, в свою очередь состоящих из атомов.

Таким образом, в теории Л. не вводятся материи огня, света, теплоты и другие специфические материи (за исключением заполняющего всё пространство эфира).

Эта концепция Л. в основном противоречила общепринятым неверным представлениям 18 века.

Характерно, что молекулярно-кинетическая теория теплоты, успешно развивавшаяся ещё в 17 веке и разрабатывавшаяся в начале 18 века Д. Бернулли, была совершенно оставлена современниками Л. в пользу теории теплорода.

В своём произведении "Размышления о причине теплоты и холода" (1744) Л., тщательно проанализировав имевшийся опытный материал, привёл веские аргументы против теории теплорода.

Он пришёл к предположению, что теплота обусловлена вращательными движениями частиц вещества.

Эта гипотеза была в 19 веке использована в первоначальных попытках построения кинетической теории газов (Г. Дэви, Дж. П. Джоуль).

В основу молекулярно-кинетической теории Л. положил свою формулировку философского принципа сохранения материи и движения:

"... Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения: ибо тело, движущее своей силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает" (Полное собрание сочинений, т. 3, 1952, с. 383).

Л. считал законы сохранения вещества и движения основными, не требующими проверки аксиомами естествознания.

Чтобы убедиться в несостоятельности господствовавшего в ту эпоху учения об "огненной материи", Л. подверг проверке опыт Бойля, который, прокалив на огне запаянный сосуд, содержащий металл, обнаружил увеличение веса вскрытого сосуда и приписал это проникновению сквозь стекло "огненной материи" (флогистона).

Повторив опыт Бойля, но не вскрывая сосуда после нагревания, Л. убедился, что "... славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере" (там же, страница 563).

И в отличие от химиков своего времени, Л. исключил "огненную материю" из числа химических агентов. Обнаружив далее, что образовавшаяся в запаянном сосуде окалина обладает большим весом, чем исходный металл, Л. попытался прокалывать металл в сосудах, "из которых был вытянут воздух".

Но несовершенство насосов того времени не позволило Л. фактически получить вакуум и экспериментально раскрыть природу процессов горения и образования окалин.

Теоретическая химия Л. целиком опиралась на достижения физики. "Физическая химия, – писал Л., – есть наука, объясняющая на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях... Химия моя физическая" (там же, том 2, 1952, с. 483; том 3, 1952, с. 241).

В 1752—53 Л. прочитал студентам курс "Введение в истинную физическую химию", сопровождавшийся демонстрационными опытами и практическими занятиями. Он составил обширную программу исследований свойств растворов.

Сохранились полученные им данные о растворимости солей в воде при различных температурах, об охлаждении растворов с записью хода падения температуры со временем. Л. разработал приборы для физического исследования химических объектов (вискозиметр для измерения вязкости, рефрактометр для определения показателя преломления, прибор для определения твёрдости образцов).

Значительное внимание Л. уделил исследованиям атмосферного электричества, проводившимся им совместно с Г. В. Рихманом. Л. и Рихман придали своим экспериментам количественный характер, разработав для этой цели специальную аппаратуру – "громовую машину".

После гибели Рихмана от удара молнии (1753) Л. продолжал начатые исследования, несмотря на препятствия духовенства, считавшего гибель Рихмана "божьей карой". Л. полагал, что электрическое поле обусловлено вращательными движениями частиц эфира, полностью отрицая существование электрических зарядов в веществе. Такая концепция приводила, в частности, к неправильной оценке Л. роли молниеотвода.

Одним из важных изобретений Л. в области оптики была "ночезрительная труба" (1756—58), позволявшая в сумерки более отчётливо различать предметы.

Кроме того, задолго до В. Гершеля Л. сконструировал отражательный (зеркальный) телескоп без дополнительного плоского зеркала.

Л. интересовали также астрономия и геофизика.

26 мая 1761 во время прохождения Венеры по диску Солнца Л. открыл существование у неё атмосферы, впервые правильно истолковав размытие солнечного края при двукратном прохождении Венеры через край диска Солнца.

С помощью, разработанной им конструкции маятника, позволявшей обнаруживать крайне малые изменения направления и амплитуды его качаний, Л. осуществил длительные исследования земного тяготения.

Л. уделял значительное внимание развитию в России геологии и минералогии и лично произвёл большое количество анализов горных пород.

Он доказывал органическое происхождение почвы, торфа, каменного угля, нефти, янтаря. В своём "Слове о рождении металлов от трясения Земли" (1757) и в работе "О слоях земных" (конец 1750-х годов, опубликована в 1763) он последовательно проводил идею о закономерной эволюции природы и фактически применял метод, впоследствии получивший в геологии название актуализма. "

Напрасно многие думают, что все, как видим, с начала творцом создано, – писал Л., —... Такие рассуждения весьма вредны приращению всех наук..." (там же, том 5, с. 574—75). В этой же работе Л. приводил доказательства существования материка на Южном полюсе Земли.

Придавая важное значение развитию русского металлургического производства, занимавшего в 18 веке одно из ведущих мест в мире, Л. в 1763 опубликовал руководство "Первые основания металлургии или рудных дел", в котором подробно рассмотрел как свойства различных металлов, так и практически применяемые способы их получения.

Вместе с тем Л. впервые здесь разработал физические условия "вольного" движения воздуха в рудниках и применил результаты этого анализа к процессам, происходящим в печах, работающих без принудительного дутья.

Книга была выпущена огромным для того времени тиражом – 1225 экземпляров.

В 1758 Л. было поручено "смотрение" за Географическим департаментом, Историческим собранием, университетом и Академической гимназией при АН. Основной задачей Географического департамента было составление "Атласа Российского".

Л. разработал обширный план получения как физико-географических, так и экономико-географических данных для составления "Атласа" с помощью организации географических экспедиций, а также обработки ответов на специальные анкеты, разосланные в различные пункты страны.

Тесно связан с этими работами Л. его замечательный трактат "О сохранении и размножении российского народа" (1761), имеющий общественно-политический характер. В нём Л. предложил ряд законодательных и общественных мероприятий, направленных на увеличение народонаселения России путём повышения рождаемости, сохранения родившихся и привлечения иностранцев в русское подданство.

В "Рассуждениях о большой точности морского пути" (1759) Л. предложил ряд новых приборов и методов для определения долготы и широты места. В этом сочинении он впервые внёс предложение об организации международной Мореплавательской академии для совместного решения наиболее важных научно-технических проблем мореплавания. Л. исследовал морские льды и дал первую их классификацию.

Он неоднократно подчёркивал политическую и хозяйственную важность для России освоения Северного морского пути.

В 1762—63 написал "Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию", а в 1764 – "прибавле-

ние" к этой работе "О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану", сопроводив его "примерной" инструкцией "морским командующим офицерам".

Он предвидел, что "России могущество будет прирастать Сибирью".

Русской историей Л. занимался ещё в 1749, но систематические исследования в этом направлении он начал с 1751, постепенно собрав по подлинным документам "Древнюю Российскую историю от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года" (1—2 части), опубликованную в 1766, и "Краткий Российский летописец с родословием" (1760), представляющий собой перечень важнейших событий до эпохи Петра I включительно.

Л. выступал с критикой норманской теории, отрицавшей самостоятельное развитие русского народа. Он признавал определённую роль народных масс в историческом процессе, однако, оставаясь в области истории, как и все естествоиспытатели-материалисты того времени, на идеалистических позициях, Л. решающую роль отводил деятельности отдельных исторических личностей.

С начала своей деятельности в АН Л. боролся за расширение и улучшение её работы как учебно-научного учреждения. Будучи назначен в 1757 советником Канцелярии АН,

он разработал план реорганизации управления АН и подробный проект её устава. Петербургская АН, ставшая крупным научным центром Европы благодаря собранному в ней блестящим иностранным учёным, мало заботилась о создании самостоятельной российской науки.

Л. предпринимал энергичные меры к устранению этого серьёзного недостатка в деятельности АН, уделяя особое внимание академическому университету и гимназии.

Однако во всех начинаниях ему приходилось преодолевать препятствия, чинимые придворными и академическими кругами. Многие передовые организационные замыслы Л. остались поэтому неосуществленными или были осуществлены много позднее. Так, Л. долго и безуспешно добивался организации Петербургского университета, который был учрежден лишь более чем через полвека после смерти Л.

Подлинным преобразователем выступил Л. и в литературно-художественном творчестве; В. Г. Белинский назвал его "Петром Великим русской литературы".

Новаторство Л. как поэта опиралось на глубокие традиции русской культуры, русского народного творчества, что особенно ярко сказалось в смелом преодолении непоследовательности той реформы русского стихосложения, которая была предложена в 1735 В. К. Третьяковым

Силлабо-тоническая система стихосложения, в основных чертах сохранившаяся в русской поэзии до наших дней, теоретически обоснована Л. в "Письме о правилах российского стихотворства" (1739, опубликовано в 1778) и блестяще подтверждена его собственным поэтическим творчеством.

Явившись создателем русской оды (первый образец её – ода "На взятие Хотина", 1739, опубликована в 1751), Л. придал этому традиционному в мировой литературе жанру высокое гражданственное звучание: "похвальная" по своему назначению, ода стала у Л. средством просветительской пропаганды достижений научной мысли и общественно-патриотических идей. Философские оды Л. высоко ценил А. С. Пушкин.

Особое место в поэзии Л. занимает образ Петра I, претерпевающий характерную эволюцию, – от отвлеченно символической фигуры богоравного героя в одах 1740-х годов к конкретно-историческому изображению просвещённого монарха в незавершённой эпической поэме "Петр Великий" (1760).

Важную роль сыграл Л. и в разработке таких поэтических жанров, как послание, идиллия, эпиграмма и других. Ему принадлежат трагедии "Тамира и Селим" (1750), "Демон-фонг" (1752). Широко распространялась в списках его сатира на реакционное духовенство "Гимн бороде" (1757).

Теоретическим обоснованием поэтической практики Л. были его фундаментальные филологические труды. В "Кратком руководстве к красноречию..." (1748) Л. утверждал, что чистота стиля зависит от основательного изучения грамматики русского языка и живой речи. В русском языке он видел "природное изобилие, красоту и силу...", не уступающие ни одному из европейских языков.

"Российская грамматика" (1755, опубликована в 1757), первая подлинно научная грамматика русского языка, носила нормативный характер. Указывая употребление различных грамматических форм или различных вариантов одной формы, Л. связывал это с разными стилями литературного языка: одни возможны только в книжной речи, другие – в разговорной или в просторечии. Л. отметил также живые формы словоизменения.

"Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" (1758) – самая зрелая филологическая работа Л.

В ней разрешены три проблемы: сочетание церковно-славянских и русских элементов в составе русского литературного языка; разграничение литературных стилей; классификация жанров.

В основу своего трактата Л. положил 3 тезиса: в русском литературном языке из церковно-славянского языка должно остаться только то, что понятно и живёт в языке; из книжных источников должно сохраниться только то, что освоено народом в процессе многовековой практики и содержит запас слов, который удобен для выражения отвлечённых понятий; основной составной частью русского литературного языка, его первоосновой должна быть письменная и разговорная речь народа.

В своих естественнонаучных произведениях и переводах Л. положил начало русской научной терминологии.

Л. был последовательным сторонником естественнонаучного материализма. Он полагал, что все явления природы имеют механический характер и следуют законам механики, однако, в отличие от своих современников, он не придерживался метафизических взглядов о неизменности и постоянстве мира и настаивал на эволюции всех естественных процессов в природе и постепенном изменении Вселенной и земного шара. Л. вёл резкую полемику с духовенством, разоблачая его невежество и четко отграничивая науку от религии.

Научное творчество Л. и его жизненный путь служат предметом исследований многих советских и зарубежных учёных.

При институте истории естествознания и техники АН СССР организован музей Л. (Ленинград). В 1956 АН СССР учредила присуждение двух золотых медалей Л. – высшей награды АН СССР за выдающиеся работы в области естественных и общественных наук (одна из них присуждается советским учёным, другая – зарубежным).

Именем Л. названы город в Ленинградской области, течение в Атлантическом океане, горный хребет на Новой Земле, подводный хребет в Северном Ледовитом океане, возвышенность на острове Западный Шпицберген и т.д. и т.п.

И как сам видит читатель, эта версия, биографии Ломоносова полностью противоречит ее дореволюционному варианту!

Ведь тут показано, что главной заслугой М. Ломоносова было открытие «**Закона сохранения вещества и движения**»!

А вот еще одна современная, как бы уже «чисто российская = «новорусская» версия» биографии Ломоносова

О. Платонов. Святая Русь: энциклопедический словарь, 2001 г.

«**ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич** (8/19.11.1711-4/15.04.1765), гениальный русский ученый во многих отраслях знаний, поэт, просветитель, один из самых выдающихся светил мировой науки.

Отец Ломоносова, Василий Дорофеев (или Федоров), черносошный крестьянин, имел землю и суда для промысла по Мурманскому берегу;

Ломоносов рос в простой и суровой обстановке.

Еще подростком он ездил с отцом на промыслы и нередко подвергался опасностям.

Грамоте Ломоносов научился сравнительно рано.

Первые его недуховные книги, "врата учености", были словенская грамматика Смотрицкого и арифметика Магницкого.

Побуждаемый жаждой знания, Ломоносов в 1731 ушел с обозом в Москву, где был принят в "Спасские школы".

Много горя и нужды претерпел здесь Ломоносов: укору отца, "несказанная бедность", насмешки школьников. Способности, примерное прилежание и быстрые успехи Ломоносова были замечены.

В 1736 в числе 12-ти лучших учеников Славяно-греко-латинской академии он вызван в Петербург для учения при Академии наук.

В сентябре того же года Ломоносов был послан в Германию (Марбург) к Христиану Вольфу, для изучения химии и горных дел, причем вменялось в обязанность "учиться и естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике".

В Марбурге Ломоносов пробыл до 1739. Здесь он получил обширное и основательное образование.

В 1738 студент Ломоносов послал в Академию донесение на немецком языке о прослушанных лекциях и приобретенных книгах, рассуждение на латинском языке по физике и стихотворный перевод оды Фенелона, воспевающей счастье уединенной сельской жизни.

Из Марбурга студенты были отправлены во Фрейберг к "горному советнику" Генкелю, причем содержание их было уменьшено наполовину и Генкелю было поручено держать студентов построже, объявить в городе, чтобы никто не верил им в долг.

А так как Академия неисправно высылала деньги, то студенты очень нуждались, отсюда просьбы к Генкелю, неудовольствие на него.

Ломоносов, обладая пылким темпераментом, поссорился с наставником и ушел из Фрейберга без дозволения Академии в 1740. Странствуя по Германии, Ломоносов женился на Елизавете-Христине Цильх.

По некоторым источникам, по дороге из Марбурга в Голландию был насильно завербован в прусские солдаты, но бежал из крепости Везеля.

После странствий Ломоносов прибыл согласно приказанию Академии, в 1741.

В 1742 Ломоносов сделан адъюнктом по физике, в 1745, по отъезде проф. Гмелина за границу, профессором химии, в этой должности оставался до конца жизни.

Деятельность свою Ломоносов характеризовал сам в 1753, в письме к Шувалову:

"ежели кто, по своей профессии и должности, читает лекции, делает опыты новые, говорит публичные речи и диссертации, и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости, составляет правила к красноречию на своем языке и историю своего отечества, и должен еще на срок поставить, от того я ничего более требовать не имею и готов бы с охотою иметь терпение, когда бы только что путное родилось".

В 1757 Ломоносов сделался членом Академической канцелярии и подключился к управлению академическими делами.

1759 Ломоносову было поручено управление академической гимназией, университетом и географическим департаментом.

Но, как достижение положения, так и деятельность Ломоносова сопровождалась непрерывной борьбой с академической канцелярией, которая заведовала не только экономическими, но и учеными и учебными делами, с господствовавшей немецкой партией, масонскими интри-

гами Г.Н. Теплова и других "вольных каменщиков" в Академии, "с неприятелями наук российских, которые не дают возрасти свободно насаждению Петра Великого".

Напряженная деятельность, продолжительная борьба с враждебной партией преждевременно расстроили здоровье Ломоносова.

Гениальные способности, глубокая любовь к науке, неизменное трудолюбие, пламенный патриотизм, непреклонная твердость воли при достижении цели – вот отличительные черты Ломоносова.

Как ученый Ломоносов отличался необычайной широтой интересов; обогатил своими открытиями физику, химию, астрономию, географию, технику, геологию, историю, филологию; стремился использовать науку для развития производительных сил, поднятия благосостояния страны. Свои наблюдения и открытия Ломоносов излагал в блестящей общедоступной форме.

Научные исследования Ломоносова по химии и физике основывались на представлениях об атомно-молекулярном строении вещества. Ломоносов задумал написать большую "корпускулярную философию" – трактат, объединяющий в одно стройное целое всю физику и химию на основе атомно-молекулярных представлений.

На путях к достижению этой цели Ломоносов совершил целый ряд мировых открытий, и прежде всего открыл «Закон сохранения энергии», имевший для развития науки такое же огромное значение, как теория относительности. !!!

"...Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения: ибо тело, движущее своей силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает".

Ломоносов считал законы сохранения вещества и движения основными, не требующими проверки аксиомами естествознания.

Ломоносов опроверг существующее в западной науке того времени учение об "огненной материи".

Подверг проверке опыт Бойля, который, прокалив на огне запаянный сосуд, содержащий металл, обнаружил увеличение веса вскрытого сосуда и приписал это проникновению сквозь стекло "огненной материи" (флогистона).

Повторив опыт Бойля, но не вскрывая сосуда после нагревания, Ломоносов убедился, что "...славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере". И в отличие от химиков своего времени, Ломоносов исключил "огненную материю" из числа химических агентов.

Теоретическая химия Ломоносова целиком опиралась на достижения физики. "Физическая химия, – писал он, – есть наука, объясняющая на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях... Химия моя физическая".

В 1752-53 Ломоносов прочитал студентам курс "Введение в истинную физическую химию", сопровождавшийся демонстрационными опытами и практическими занятиями. Он составил обширную программу исследований свойств растворов.

Сохранились полученные им данные о растворимости солей в воде при различных температурах, об охлаждении растворов с записью хода падения температуры со временем. Ломоносов разработал приборы для физических исследований химических объектов (для измерения вязкости, для определения показателя преломления, прибор для определения твердости образцов).

Значительное внимание Ломоносов уделил исследованиям атмосферного электричества, проводившимся им совместно с Г.В. Рихманом. Ломоносов и Рихман придали своим экспериментам количественный характер, разработав для этой цели специальную аппаратуру – "громовую машину".

Одним из важных изобретений Ломоносова в области оптики была "ночезрительная труба" (1756-58), позволявшая в сумерки более отчетливо различать предметы.

Кроме того, задолго до В. Гершеля Ломоносов сконструировал отражательный (зеркальный) телескоп для дополнительного плоского зеркала. Ломоносова интересовали также астрономия и геофизика.

26 мая 1761 во время прохождения Венеры по диску Солнца Ломоносов открыл существование у нее атмосферы, впервые правильно истолковав размытие солнечного края при двукратном прохождении Венеры через край диска Солнца.

С помощью, разработанной им конструкции маятника, позволявшей обнаруживать крайне малые изменения направления и амплитуды его качаний, Ломоносов осуществил длительные исследования земного тяготения.

Ломоносов уделял значительное внимание развитию в России геологии и минералогии и лично произвел большое количество анализов горных пород.

Он доказывал органическое происхождение почвы, торфа, каменного угля, нефти, янтаря. В своем "Слове о рождении металлов от трясения Земли" (1757) и в работе "О слоях земных" (к. 1750-х, опубл. 1763) он последовательно проводил идею о закономерной эволюции природы и фактически применял метод, впоследствии получивший в геологии название актуализма.

"...Напрасно многие думают, что все, как видим, сначала Творцом создано, – писал Ломоносов, -

Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук...»

" В этой же работе Ломоносов приводил доказательства существования материка на Южном полюсе Земли.

Придавая важное значение развитию русского металлургического производства, занимавшего в XVIII в. одно из ведущих мест в мире, Ломоносов в 1763 опубликовал руководство "Первые основания металлургии или рудных дел", в котором подробно рассмотрел, как свойства различных металлов, так и практически применяемые способы их получения. Вместе с тем Ломоносов впервые здесь разработал физические условия "вольного" движения воздуха в рудниках и применил результаты этого анализа к процессам, происходящим в печах, работающих без принудительного дутья. Книга была выпущена огромным для того времени тиражом (1225 экз.).

В 1758 Ломоносову было поручено "смотрение" за Географическим департаментом, Историческим собранием, Университетом и Академической гимназией при АН.

Основной задачей Географического департамента было составление "Атласа Российского". Ломоносов разработал обширный план получения как физико-географических, так и экономико-географических данных для составления "Атласа" с помощью организации географических экспедиций, а также обработки ответов на специальные анкеты, разосланные в различные пункты страны.

Тесно связан с этими работами Ломоносова его замечательный трактат "О сохранении и размножении российского народа" (1761), имеющий общественно-политический характер.

В нем Ломоносов предложил ряд законодательных и общественных мероприятий, направленных на увеличение народонаселения России путем повышения рождаемости, сохранения родившихся и привлечения иностранцев в русское подданство.

В "Рассуждениях о большой точности морского пути" (1759) Ломоносов предложил ряд новых приборов и методов для определения долготы и широты места.

В этом сочинении он впервые внес предложение об организации международной Мореплавательской академии для совместного решения наиболее важных научно-технических проблем мореплавания. Ломоносов исследовал морские льды и дал первую их классификацию.

Он неоднократно подчеркивал политическую и хозяйственную важность для России освоения Северного морского пути.

В 1762-63 написал "Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию", а в 1764 – "прибавление" к этой работе "О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану", сопроводив его "примерной" инструкцией "морским командующим офицерам". Он предвидел, что "России могущество будет прирастать Сибирью".

В области русской словесности существенная заслуга Ломоносова – усовершенствование русского литературного, прозаического и стихотворного языка ("Письмо о правилах российского стихотворства", 1739, "О пользе книг церковных в российском языке", 1755-57).

Ломоносов написал грамматику русского языка (1755) и первую риторику на русском языке (краткую, 1748, и пространную, 1748), дал образцы красноречия и поэзии в разных родах и формах (похвальные слова: похвальное слово Елизавете, 1749, Петру Великому, 1755, и др.; оды, духовные, похвальные надписи; стихотворения: экспромты, послания к имп. Елизавете, Екатерине и вельможам; эпическая поэма "Петр Великий"; трагедии: "Тамира и Селим", "Демофонт").

Ломоносов был крупнейшим историком своего времени.

Его основные сочинения – "Древняя Российская история" (ч. 1-2, 1766), замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского" (1749-50) и "Краткий российский летописец" (1760).

Ломоносов написал "Замечания на "Историю..." Вольтера" (1757-60, изд. 1829) и на "Сибирскую историю" Г.Ф. Миллера (1751); "Краткое описание разных путешествий по северным морям..." (1763).

Исторические взгляды Ломоносова формировались в острой борьбе против норманнской теории, отрицавшей самостоятельное развитие русского народа. Ломоносов разработал историческую концепцию, в которой подчеркивал решающую роль Православия, Самодержавия и духовно-нравственных ценностей русского народа в формировании Российского государства; не изолировал отечественную историю от европейской, выявлял черты сходства и различий в исторической жизни разных народов.

Ломоносов выделял в русской истории периоды становления, роста, упадка и нового, более высокого подъема и делил в связи с этим историю России на шесть периодов. 1-й период – "век древний до Рурика".

Ему посвящена 1-я ч. "Древней Российской истории", в которой доказывается, что создателями Киевского государства являлись не скандинавские завоеватели, а местные, в основном славянские и отчасти чудские (угро-финские) племена. 2-й – от призвания Рюрика до смерти Ярослава I, ему посвящена 2-я ч. "Древней Российской истории". 3-й – до нашествия Батыя. 4-й период (до княжения Ивана III) Ломоносов выделил в соответствии с утверждением, нарушением и восстановлением политического единства ("самодержавства") и успехами Руси в борьбе против иноземных захватчиков. 5-й период (от царствования Ивана IV до смерти Федора Алексеевича) – усиление Русского государства в связи с присоединением новых народов на востоке и западе страны. 6-й период (от Петра I до Елизаветы Петровны) – превращение России в могучую европейскую державу на основе начавшегося просвещения русского народа. Выдвинутая Ломоносовым теория славяно-чудского происхождения Древней Руси была принята позднейшей историографией.

С. О.

И тут мы, прочитав третью биографию снова видим, что и она противоречит первым двум!

И главной научной его заслугой автор этой биографии читает:

«На путях к достижению этой цели Ломоносов совершил целый ряд мировых открытий, и прежде всего открыл «Закон сохранения энергии», имевший для развития науки такое же огромное значение, как Теория относительности!»

Но, если внимательный читатель откроет статью «Закон сохранения энергии» http://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E0%EA%EE%ED_%F1%EE%F5%F0%E0%ED%E5%ED%E8%FF_%FD%ED%E5%F0%E3%E8%E8 то увидит, что ничего подобного Ломоносов увы не совершал!

Но, у нас в запасе есть и четвёртый вариант биографии Ломоносова изложенной в «Международной энциклопедии Кольера.»

Справка: Энциклопедия Кольера – энциклопедия, опубликованная в Соединённых Штатах Крауэлом, Кольером и Макмиланом, самоописанная в предисловии, как «научный, систематический, постоянно пересматривающийся труд, являющийся значимым для человечества».

Эта энциклопедия долгое время считалась одной из трех основных в современном английском языке общих энциклопедий, вместе с Энциклопедией «Американа» и Британской энциклопедией, иногда объединенных под общим названием «the ABCs» (Americana, Britannica, Collier's).

Начиная с 1902 года, энциклопедия публиковалась под разными названиями. В 1998 году Microsoft купила права на электронную версию Энциклопедии Кольера и включила её в свой перечень электронных энциклопедий.

И вот, что там сказано о герое нашего повествования:

«ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711-1765), русский ученый, поэт и просветитель.

Родился 8 (19) ноября 1711 в деревне Мишанинская, возле города Холмогор, сын крестьян-поморов Архангельской губернии.

Жажда знаний привела его в 1730 в Славяно-греко-латинскую академию в Москве, а в 1735 – в Санкт-Петербург.

В 1736-1741 Ломоносов изучал химию и металлургию в учебных заведениях Германии.

В 1741 он вернулся в Россию, где началась его интенсивная научная деятельность в Петербургской Академии наук.

С 25 июля 1745 Ломоносов – профессор химии, позже – устроитель Академического университета в Санкт-Петербурге, с 15 декабря 1763 – статский советник.

Ломоносов – один из основателей Московского университета.

Ломоносову, ученому необычайной широты интересов, принадлежат открытия и труды по физике, химии, астрономии, географии, технике, геологии, истории, филологии.

Ломоносов ввел в употребление химические весы и заложил основы количественного анализа, опроверг флогистонную теорию горения, аргументы против которой позже изложил Лавуазье.

В 1741-1761 в башне Кунсткамеры, построенной в Петербурге Петром I, он проводил астрономические наблюдения, химические и физические опыты.

Умер Ломоносов в Санкт-Петербурге 4 (15) апреля 1765.»

Как видим тут М. Ломоносов представлен хотя и кратко, но более объективно, но автор статьи тоже не согласен с авторами первых трех биографий, к примеру, он указывает совсем другое мест рождения М. Ломоносова...

И когда вы уважаемый читатель теперь одномоментно прочли все четыре варианта биографии М. Ломоносова то и сами убедились, что за триста лет прошедших с дня рождения М. Ломоносова мы так и не знаем всех подлинных фактов его сложной биографии и продолжаем путаться в оценках его научной деятельности.

В связи с чем я надеюсь, что вы уважаемый читатель и в дальнейшем с большим интересом отнесётесь к предлагаемому автором историческому расследованию, призванному показать М.В. Ломоносова без исторического грима, отчасти им самим наложенного на себя.

Часть 2

Тайна рождения

Итак, уважаемый читатель, закончив в первой части этой работы разбор разных версий биографий М. В. Ломоносова, мы собственно приступаем к нашему историческому расследованию. И тут как я надеюсь помнит читатель, что я уже анонсировал один из своих тезисов о том, что Михаил Ломоносов **является незаконно рождённым сыном российского императора Петра Первого.**

В связи с чем вся эта часть данной работы и будет посвящена изучению всех важных вопросов, связанных с этим событием.

И в начале я хочу предупредить читателя, что наше историческое расследование в отличии от других подобных работ (где полет фантазий того или иного автора-любителя альтернативных версий российской истории ограничивается только размахом его «мании величия»!) у нас процесс исследования будет проводится строго по правилам уголовно-судебного производства.

Где будут «заслушаны» показания свидетелей, подозреваемых, выскажутся различные эксперты и будут предъявлены относящиеся к нашему делу подлинные исторические документы.

Причем я сразу же предупреждаю российских псевдопатриотов, что главным подозреваемым в нашем импровизированном суде – как **«лицо умышленно выдавшего себя за другого»** будет выступать уввы сам **Михаил Васильевич Ломоносов как самозванец присвоивший себе звание профессора химических наук!**

И вот тут если вы уважаемый читатель думаете или находитесь в заблуждении от сфальсифицированной в своей большей части российской истории в том, что М. Ломоносов успешно закончил обучение в Германии, где сдал все экзамены и как полагается по окончании курса защитил докторскую диссертацию по химии! то вы ошибаетесь!

М. Ломоносова выгнали с большим скандалом из университета с третьего курса.

Защиты докторской диссертации естественно тоже небыли!

В связи с чем и полагающегося в таких случаях Университетского Диплома ему никто не выдавал! Но вместо него немецкие профессора-бюрократы получавшие из России деньги на обучение Ломоносова вынуждены были в «подтверждения своей работы» выдать ему на руки две «Справки»!, что мол он «прослушал лекции», и он с этой «бумагой» после долгих злоключений в Германии и Пруссии наконец возвращается в Санкт-Петербург.

Там его приняли, допросили, (но при этом он скрыл факт своей женитьбе на немке-протестантке), посмотрели бумаги и сказали.

Ну все ты Михаил Ломоносов свободен и устраивайся далее сам как сможешь! А мы не можем тебя взять на службу и дать место мол нет у тебя «высшего образования»!

Но далее происходят невероятные события, по итогам которых Ломоносов тем не менее в 1751 г. в Российской АН присваивается звание «профессора химии»!?

Спрашивается, а кто принял такое решение и подписал необходимые в таком случае документы его т.е. санкционировал это действие!

И выяснилось, что сделал это графа К. Г. Разумовский! Это очень важная в нашем повествовании личность и нам нужно с ним поближе познакомиться!

Справка: Граф Алексей Кириллович Разумовский (1748—1822) – русский государственный деятель из рода Разумовских: действительный камергер, тайный советник, сенатор, министр народного просвещения.

Строитель подмосковной усадьбы Горенки и дворца на Яузе.

Родоначалник дворян Перовских: отец Антония Погорельского, дед А. К. Толстого, прадед Софьи Перовской.

Старший сын графа К. Г. Разумовского, последнего гетмана Войска Запорожского.

Получил тщательное образование: для него с братьями был устроен особый «институт», в котором Шлецер впервые ввёл преподавание статистики, под названием «Познание своего отечества»; позже он слушал лекции в Страсбургском университете.

Сначала он нёс только придворную службу, но в 1786 г. был назначен сенатором.

В 1795 году, вследствие несогласия одобрить предложенный императрицей закон, Разумовский вышел в отставку и вновь вступил в службу только в 1807 году, попечителем Московского университета, что по совместительству возлагало на него и попечительство над Московским учебным округом.

В этом звании он провёл указ об избрании ректора на три года (вместо одного года) и покровительствовал обществу испытателей природы, от имени которого им была образована экспедиция для изучения Московской губернии.

В 1810 г. Разумовский был назначен министром народного просвещения. В первые два года его управления были открыты 72 приходских школы, 24 уездных училища, несколько гимназий и других учебных заведений; улучшено преподавание; усилен надзор за воспитателями-иностранцами; открыто несколько учёных обществ; учреждена при Московском университете первая кафедра славянской словесности; при личном содействии Разумовского выработан устав Царскосельского лицея и состоялось его открытие 19 октября 1811 года.

Почетный член Московского университета (1812)

После 1812 года он значительно охладел к службе и последние два года вовсе не занимался делами.

Будучи до назначения в министры членом масонской ложи и последователем Осипа Поздеева, с которым долго состоял в переписке (она напечатана А. Васильчиковым в его книге «Семейство Разумовских»), Разумовский с 1814 г. подпал влиянию иезуитов и, главным образом, известного графа Жозефа де Местра.

Последний «буквально распоряжался им, диктовал, чему должно учить русских и чему не учить»; по его указанию, были выкинуты из первоначальной программы лицея греческий язык, археология, естественная история, астрономия, химия и история философских систем, как «не озаряющая ума полезными истинами, а помрачающая заблуждениями и недоумениями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.